

ГРЕЧЕСКИЙ ПЕРФЕКТ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

© 2016 г.

Фатима Абисаловна Елоева^{а, б, в},Дмитрий Александрович Черноглазов^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; ^б Университет Вильнюса, Вильнюс, LT-01513, Литва; ^в f.eloeva@spbu.ru

Данное исследование представляет собой попытку рассмотрения нескольких эпизодов из истории древнегреческого синтетического и новогреческого аналитического перфекта sub specie функциональной грамматики. Перфект, как представляется, используется в качестве стилистического приема, средства архаизации. Факты греческого языка (среднегреческого и современного новогреческого) рассматриваются в контексте проблематики известного греческого «языкового вопроса» — сознательной установки на архаизацию языковой нормы греческого языка, наблюдавшейся, по крайней мере, с I в. н. э. и коррелирующей с ситуацией диглоссии.

Ключевые слова: аналитический перфект, архаизация, византийская литература, грамматикализация, греческие диалекты, диглоссия, перфект, синтетический перфект

GREEK PERFECT AS A STYLISTIC DEVICE

Fatima A. Eloeva^{а, б, в}, Dmitri A. Chernoglazov^а

^а Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ^б Vilnius universitetas, Vilnius, LT-01513, Lithuania; ^в f.eloeva@spbu.ru

This study is an attempt to examine a few episodes from the diachronic development of Modern Greek synthetic and analytic perfect from the standpoint of functional grammar. Perfect seems to be used as a stylistic device, a means of archaization. The data of medieval and contemporary modern Greek are considered in the context of the so-called Greek «language issue» — the conscious archaization of the language standard of Greek, attested from the 1st c. AD and correlating with the situation of diglossia.

Keywords: analytic perfect, archaization, Byzantine literature, diglossia, grammaticalization, Greek dialects, perfect, synthetic perfect

1. Введение

Две важнейшие особенности определили как специфику новогреческого языка, так и своеобразие греческого языка в диахронии. Во-первых, это наличие письменной традиции на протяжении трех с половиной тысяч лет, во-вторых двуязычие (диглоссия), находящее выражение в существовании лексической и грамматической синонимии на письменно-литературном и разговорно-обиходном уровнях языка. Следствием этого является удивительная сохранность лексического фонда греческого языка и целый ряд других явлений, определяемых, как кажется, постоянной установкой на архаизацию. Одному из таких сюжетов посвящена и данная статья.

Речь идет об особенной нестабильности перфекта в условиях диглоссии, когда при наличии двух норм и высоком престиже книжного языка мы сталкиваемся с постоянным «возвращением» в узус, казалось бы, исчезнувших форм — это касается и отдельных лексем, и целых категорий. Это явление, как кажется, напрямую связано с эстетической функцией языка (выделенной, наряду с другими, Р. О. Якобсоном [Якобсон 1975:199]), причем

для греческого, где мы имеем дело с уникальной ситуацией — длительной непрерывной письменной традицией, осознаваемой носителями как ценность, — можно постулировать ситуацию контроля письменной традиции над нормой.

В контексте разных культур и литературных традиций существуют разные подходы к определению нормы¹: часто исследование этой лингвистической проблемы затрудняется тем, что под понятием нормы скрываются две разные сущности: норма прескриптивная, норма как эталон, и норма дескриптивная, описывающая некое состояние, норма как средняя величина. В сущности, об этой дихотомии норм говорит и Э. Косериу, предлагая разграничивать два понятия нормы. С его точки зрения, существует норма в широком смысле — «норма соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже сказано и по традиции говорится в рассматриваемом обществе» — и норма в узком смысле — «результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению» [Косериу 1963: 237].

Опыт анализа разных языковых ситуаций показывает, что достаточно часто разрыв между дескриптивной и прескриптивной нормами может быть чрезвычайно велик. Обычно это определяется высоким престижем эталонных текстов, на которых основывается прескриптивная норма. Именно таковой была ситуация в греческом, где идея эталонных текстов фактически возникает в V в. до н. э. Кодифицированная норма греческого основывалась именно на эталонных текстах. На протяжении всей истории греческого языка мы становимся свидетелями ситуации, когда жесткая и консервативная норма в узком смысле (по Косериу) тормозит развитие нормы в широком смысле, оказывая воздействие на узус и в конечном счете на языковую систему.

Представляется, что история трансформации греческого перфекта может рассматриваться как интересный пример влияния «узкой» нормы на «широкую».

1.1. Греческий перфект в контексте общей типологии перфекта

Данное исследование представляет собой попытку рассмотрения нескольких эпизодов из истории древнегреческого синтетического и новогреческого аналитического перфекта *sub specie* функциональной грамматики. Перфект, как представляется, используется в качестве стилистического приема, средства архаизации. Факты греческого языка (среднегреческого и современного новогреческого) рассматриваются в контексте проблематики известного греческого «языкового вопроса» — сознательной установки на архаизацию языковой нормы греческого языка, наблюдавшейся, по крайней мере, с I в. н. э. и коррелирующей с ситуацией диглоссии [Елоева 1989; 2011; Кисилиер, Федченко 2011].

Перфект — неустойчивая, «эфемерная» категория. В. А. Плунгян предлагает считать эту нестабильность одним из главных типологически существенных свойств перфекта: «перфект возникает в ходе, так сказать, размывания результативной семантики и достаточно быстро эволюционирует в направлении других аспектуальных, темпоральных или модальных значений. Существование прототипической перфектной формы в языке редко длится больше нескольких столетий: форма либо утрачивается, либо изменяет свою семантику и, возможно, заменяется новой формой перфекта» [Плунгян 2011а: 394].

Отражая начальный этап эволюции показателей результата в сторону показателей прошедшего времени широкой семантики, перфект сочетает свойства как аспектуальных, так и таксисно-временных граммем. В отличие от результата, перфект обозначает не состояние участника в момент речи, а некоторую предшествующую моменту речи ситуацию, при этом не всякую предшествующую ситуацию, как это свойственно претериту, а лишь такую, последствия которой ощущаются в момент говорения. Семантический спектр перфекта в соответствии с уже устоявшейся с начала 70-х гг. XX в. традиции может быть представлен как

¹ Вслед за Л. П. Крысиным мы предлагаем выделять понятия нормы, узуса и системы [Крысин 2007: 5].

перечень четырех «типов употребления» (у Б. Комри — «типов перфекта», см., в частности, [McCawley 1971; Comrie 1976: 56; Dahl 1985: 132]):

- i. результативный перфект (perfect of result);
- ii. экспериенциальный (экзистенциальный) перфект (experiential, existential perfect);
- iii. перфект наличной ситуации (perfect of persistent situation), инклюзивный перфект;
- iv. иммедиатный перфект (perfect of recent past, 'hot news' perfect).

Представленный перечень, основанный на анализе употребления английского перфекта (Present Perfect), взятого в качестве наиболее типичного представителя универсального перфекта, служит семантическим основанием двух очень существенных дискурсивных ограничений, обычно предписываемых перфекту: невозможности формировать нарративную цепочку (см., в частности, [Lindstedt 2000: 371; Плунгян 2011б]) и сочетаться с указанием на специфицированную точку или отрезок на оси времени (например, [Comrie 1976: 54; Плунгян 2011а; 2011б]).

Весьма значимой является оценка перфекта как диахронически неустойчивой грамлеммы (см. цитату выше из [Плунгян 2011а], а также [Squartini, Bertinetto 2000; Сичинава 2008]), представляющей собой промежуточный этап в рамках магистрального пути развития:

РЕЗУЛЬТАТИВ > ПЕРФЕКТ > ПЕРФЕКТИВ / ПРЕТЕРИТ [Bybee et al. 1994: 105]

В [Плунгян 2011б] такой путь развития рассматривается как один из возможных сценариев и обозначается как «расширенный перфект», альтернативой которому являются «специализированный перфект» (как правило, в экспериенциальном, иммедиатном или эвиденциальном значении) и «слабый перфект» (с постепенным исчезновением результативного перфекта, передающего свои функции «старому» претериту или аористу).

Очевидно, в природе и семантике перфекта присутствует нечто, что делает его столь уязвимым, но, с другой стороны, именно в силу этой уязвимости и эфемерности в условиях языковой игры при сосуществовании высокой и обыденной нормы (как это происходило в истории греческого языка) перфект начинает использоваться как стилистический прием.

Относительно семантики перфекта можно утверждать, что преобладающей является трактовка, базирующаяся на понятии «текущей релевантности» (present relevance в [Comrie 1976: 56; Harris 1982: 55; Fleischman 1983]; В. А. Плунгян, подчеркивая переходный (в диахронии) характер перфекта, характеризует его «как “ослабленный результатив”, описывающий не конкретное, лексикографически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно в момент речи), — так сказать, любое “эхо” ранее имевшей место ситуации, если это “эхо” еще звучит в тот момент, когда говорящий описывает ситуацию» [Плунгян 2011а: 389].

Представляется, что именно из-за своей нестабильности перфект в истории греческого языка довольно быстро превращался в анахронизм и затем, в силу последовательной установки носителей греческого языка на возвращение к античным образцам, сохранение эталонных моделей языка, начинал использоваться в качестве стилистического приема при сознательном архаизаторстве, как нанесение искусственных кракелюров на картины.

Для семантики перфекта характерна растянутость на временной оси и неприуроченность к определенной временной точке, вследствие чего перфект часто обозначает действие, совершенное в прошлом и сохранившее свою актуальность вплоть до настоящего момента. Таким образом, в перфекте нейтрализуется оппозиция прошлое / настоящее. Это позволяет нам постулировать амбивалентный характер перфекта.

Эта амбивалентность дает возможность семантического развития: одна из ситуаций — прошедшее или настоящее — становится доминирующей. В большинстве индоевропейских языков акцент падает на прошедшее. Именно эти семантические характеристики перфекта позволяют, например, М. Ю. Герману назвать свои мемуары «Сложное прошедшее» [Герман 2000], дословно переведя это с французского обозначения аналитического перфекта *passé composé*. В этих случаях перфект вторгается в темпоральное поле действия претерита

и вытесняет его. Данное явление принято сейчас называть аористическим дрейфом перфекта. Именно это произошло в случае французского языка, как было убедительно показано Э. Бенвенистом [Бенвенист 1974].

Однако семантическое развитие может пойти и по другому пути, акценты могут сдвигаться в сторону плана настоящего. Перфект преимущественно становится экспериенциальным. В этом случае перфект начинает употребляться реже и вытесняется аористом (со значением *hot news*). Именно это, как мы попытаемся ниже показать, произошло в новогреческом языке.

Древнегреческий перфект представлял собой синтетическую форму с редупликацией, новогреческий аналитический перфект — образование вида: *έχω* ‘иметь’ + инфинитивная форма, сочетающая основу аориста с окончанием инфинитива презенса.

Для нашего рассуждения существенно, что аналитический новогреческий перфект принципиально отличен от классического перфекта, представленного аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом ‘иметь’ и причастием смыслового глагола, т. е. посессивной конструкцией [Сичинава 2008: 739].

В настоящей работе производится попытка постулировать типологически сходные тенденции в развитии синтетического перфекта в среднегреческом и аналитического перфекта в новогреческом языке. Имеется в виду, что оба эти перфекта используются как стилистически маркированная форма. Говоря о греческом перфекте (как синтетическом, так и аналитическом), греческие грамматисты употребляют термин *παράκειμενος*, что можно перевести как «простирающийся перед нами»: данное определение безусловно отражает специфику семантики греческого перфекта, хотя следует отметить, что невозможно говорить о полном совпадении семантики синтетического перфекта (использовавшего редупликацию) и аналитического новогреческого перфекта, имеющего, как будет показано ниже, весьма нетривиальную семантику и трудно восстанавливаемую предысторию в диахронии.

1.2. Письменная традиция и престиж нормы как стимул к архаизации

Попытки обзора истории греческого перфекта (аналитического и синтетического) совершались неоднократно [Hedin 1987; Lelouda-Voss 1997; Moser 1998; Dahl, Hedin 2000], однако греческий материал является чрезвычайно многоплановым (что, в частности, объясняется длительной письменной традицией, многовековой диглоссией и постоянным воздействием высокой нормы на узу) и, очевидно, нуждается в интерпретации в типологическом контексте.

Как будет показано ниже, наличие письменной традиции и памятников далеко не всегда дает исследователю возможность восстановить «биографию» категории и вовсе не предполагает наличие ясной картины трансформации некоей произвольной категории в цепочке «древнегреческий — среднегреческий — новогреческий». Явление диглоссии засвидетельствовано для новогреческого Ч. Фергюсоном в его известной статье [Ferguson 1959]. В действительности, идея Фергюсона представляет собой некую схему, идеальный конструкт, на который удобно опираться, скорее отталкиваясь от него, чем следуя ему (совершенно в духе теории К. Поппера о фальсификации науки) при описании греческой языковой ситуации. Диглоссии в чистом виде (по Фергюсону) мы практически не встречаем, однако тенденции к параллельному бытованию двух функциональных стилей (высокого и низкого, книжного и разговорного) возникает уже, по крайней мере, в I в. до н. э., а возможно, и значительно раньше. Уже с I в. до н. э. на историю греческого языка опускается тяжелый аттицистический занавес (сравнение Р. Браунинга [Browning 1983]), и о реальной истории языка можно судить лишь по оговоркам и ошибкам авторов, текстам папирусов и по некоторым косвенным признакам, о чем будет сказано несколько позже. В этом контексте наличие письменной традиции далеко не всегда помогает прояснить ситуацию, а, напротив, зачастую лишь запутывает ее, и «многие знания рожают многие печали». Тем не менее, применительно к греческому, исследователь может восстановить, каким именно

образом менялась картинка в калейдоскопе трансформации форм, и сделать следующий шаг — ввести греческий перфект в контекст типологии.

1.3. Семантическая трансформация перфекта. Параллельные тенденции в древнегреческом и новогреческом

Представляется, что при сопоставлении трансформации форм синтетического древнегреческого и новогреческого аналитического перфекта можно выявить некоторые сходные тенденции.

В классический период различие в значении настоящего времени и перфекта индикатива сводилось к разнице между действием, совершаемым в настоящий момент, и действием, уже свершенным, но актуальным на настоящий момент: др.-гр. *δέω* 'связываю' (PRAES) — *δέδεκα* 'я связал' (PERF). Можно предположить, что данная оппозиция относительно мало отличается от соответственной новогреческой (в случае, если мы будем рассматривать классическую ситуацию, описываемую грамматиками): нов.-гр. *δένω* 'связываю' — *έχω δέσει* 'я связал'.

В эллинистическую эпоху значение состояния, которое достигнуто к настоящему моменту, постепенно стирается и уступает семантике завершенного действия.

Из контекстов использования перфекта в эллинистическую эпоху становится ясно, что разница между перфектом и презенсом все больше сводится к чисто темпоральным параметрам. Таким образом, перфект воспринимается как завершенное и уже произошедшее действие. Данное значение полностью совпадает со значением аориста. Результатом этого совпадения значений естественно становится все большая путаница в использовании аориста и перфекта. Можно привести следующую цитату Аммония (I в. н. э.), который, комментируя использование перфекта и аориста, объясняет их семантику «ровно наоборот». Этот пример ясно показывает, что значение перфекта было темным даже для ученых грамматиков²:

- (1) *Ἀπέθανε καὶ τέθνηκε διαφέρει. Ἀπέθανε μὲν νῦν τέθνηκε δὲ πάλαι, ὥς περιεπάτησε μὲν ὁ δαίμων σήμερον, περιεπάτηκε δὲ πάλαι.*
'Ἀπέθανε ([он] умер, AOR³) и τέθνηκε ([он] умер, PERF) различаются. *Ἀπέθανε* — сейчас, а *τέθνηκε* — давно. Точно так же как и *περιεπάτησε* ([он] гулял, AOR) означает сегодня, и *περιεπάτηκε* (гулял, PERF) давно'.

Путаница значений (а именно так интерпретировали эту цитату исследователи) имеет здесь, как кажется, вполне определенную логику — перфект, очевидно, потерял свое экзистенциальное значение и стал означать действие, совершенное в отдаленном прошлом. Акценты, соответственно, снова сдвинулись в сторону прошлого, и перфект уступил свои позиции аористу. Это, как будет показано ниже, удивительно напоминает новогреческую ситуацию, где перфект явно уступает свои позиции в конкуренции с аористом.

2. Употребление синтетического перфекта как стилистического приема

Уже в римскую эпоху завершился процесс слияния аориста и синтетического перфекта. Синтетический перфект фактически утратил свою связь с настоящим и, наравне с аористом, стал обозначать единовременное завершенное действие в прошлом. Слияние произошло и на формальном уровне — появились разнообразные смешанные формы: 1) с приращением (как и в аористе) и показателем перфекта -κ, 2) с показателем аориста -σα- и перфектными окончаниями, 3) с редупликацией и показателем аориста [Nogrocks 2010: 119]. Между тем, поскольку исконная ниша перфекта — *perfectum praesens* — опустела, ее постепенно заняли

² Цитируется по [Μανδηλάρας 1973: 57].

³ В цитате выделенный скобками текст наш. — Авторы.

аналитические формы. Еще в позднеантичную эпоху стали развиваться разнообразные конструкции, состоявшие из вспомогательного глагола *εἶμι* ‘быть’ или *ἔχω* ‘иметь’ и причастия аориста или перфекта [Bentein 2012]. В средневизантийский период некоторые из этих конструкций, возможно, подверглись грамматикализации и стали употребляться уже как аналитические глагольные формы перфекта и плюсквамперфекта [Giannaris 2011]. Впрочем, формирование современной модели греческого аналитического перфекта относится уже к XVII—XVIII вв., о чем будет подробнее сказано ниже.

Таковы были процессы, происходившие в ходе эволюции разговорного языка средневековых греков. В византийской словесности дело обстоит иначе: византийцы писали не на том языке, на котором говорили, а на другом, искусственном наречии, которое они учили в школе, постигая грамматику и риторiku. Так, в письменном языке византийской словесности синтетический перфект, наряду со многими другими архаичными формами, продолжал жить и развиваться, и эта посмертная жизнь синтетического перфекта, как языковое явление, еще ждет своего детального описания, как и вообще язык византийской литературы в его эволюции и взаимодействии с языком разговорным.

Итак, в греческих текстах средневизантийского периода можно встретить как синтетический перфект с редупликацией [Hinterberger 2014], так и производный от него плюсквамперфект [Hinterberger 2007]. Частотность этих форм может быть весьма различна. В текстах, написанных относительно простым стилем, перфект употребляется редко, предпочтение в большинстве случаев отдается аористу. Примерами могут послужить хроники Феофана Исповедника и Георгия Монаха (IX в). Если эти авторы изредка и вводят перфектные формы, то, как правило, образуют их от одних и тех же глаголов, например, *τεποιῶ* от *ποιέω* ‘делать’, *δέδωκα* от *δίδωμι* ‘давать’, *ῥέγωνα* от *ῥύνομαι* ‘становиться’, *εἶρηκα* от *λέγω* ‘говорить’ и т. д. [Hinterberger 2014: 185]. Если в упрощенном койне перфект заметно уступает аористу, то в текстах, ориентированных на аттическую традицию, он фигурирует, напротив, весьма часто. Особенно распространенным он становится в XI—XII вв. Здесь наряду с перфектом и плюсквамперфектом нередко появляется смешанная форма с окончаниями плюсквамперфекта, но без приращения, например, *τετίμητο* ‘[он] был почтен’.

Каковы же функции синтетического перфекта в высокой византийской литературе? Попытаемся предварительно ответить на этот вопрос и обратимся к творчеству эрудита и писателя XII в. Иоанна Цеца. Проанализируем его эпистолярное собрание, пример рафинированного аттического слога.

В эпистолярии Цеца, который состоит из 107 писем [Leone 1972], мы нашли 324 формы перфекта и плюсквамперфекта. Из них на первом месте оказываются активные личные формы перфекта (их 107), а уже на втором, с большим отрывом, *participia perfecti medio-passivi* (42). Для образцов более упрощенного, «среднего» стиля той же эпохи характерна обратная закономерность — явное преобладание причастий медико-пассивного залога над остальными перфектными формами: например, в «Итинерарии» Константина Манасси на 10 пассивных причастий приходится одна личная форма активного залога. У аттициста Цеца, напротив, больше всего личных форм; часто встречается и плюсквамперфект, особенно активного залога — 26 раз. В отличие от своих современников Цец очень редко, всего три раза, вводит смешанную форму перфекта-плюсквамперфекта. Здесь, как и в других аспектах, Цец, будучи учителем грамматики, склонен к педантизму в мелочах.

Каковы семантические функции этих форм? Цец, разумеется, прекрасно осознает, в чем состояло исконное значение перфекта: в его письмах можно найти немало примеров, когда перфект обозначает некое действие в прошлом, актуальное в настоящий момент. Например, упрекая друга за долгое молчание, Цец строит предположения: наверное, он презрел друзей, встретился с сиренами или испробовал лотос [Leone 1972: ср. 8, 16.22—17.1]. *Καταπεφρόνηκας* ‘[ты] презрел’, *ἐντετύχηκας* ‘встретился’, *ἀποῤῥέυσας* ‘испробовал’ — это формы перфекта. Важен результат этих действий: забывчивый друг испробовал лотос и поэтому теперь молчит. Однако далеко не всегда введение перфекта кажется настолько обоснованным. Более того, обнаруживается ряд примеров, где с точки зрения аттической

нормы возможен только аорист, но никак не перфект. Так, Цец пересказывает историю о встрече Креза с Солоном: Солон увидел Креза, узнал, насколько тот выдается среди своих подданных, но увидев не восхитился. *Εώρακε* '[он] увидел', *μεμύθηκε* 'узнал', *τεθαύμακεν* 'восхитился' — перед нами опять вереница перфектных форм [Ibid.: ep. 4, 7.6—8], но здесь эти формы никоим образом не указывают на результат, актуальный в момент говорения, — более того, они выстраиваются в «нарративную цепочку», что, как было отмечено выше, противоречит самой природе перфекта.

Столь же размытыми оказываются и семантические функции плюсквамперфекта. В письмах Цеца он далеко не всегда обозначает действие, результат которого был актуален в прошлом. Так, рассказывая императору, как следует устраивать триумфальную процессию, Цец пишет, что на голову триумфатора возлагается венец, на котором написано, что он совершил или претерпел [Ibid.: ep. 97, 142.5—7]. *Ἐποίησεν* '[он] совершил' — форма аориста, *ἐπέπόνθη* '[он] претерпел' — форма плюсквамперфекта, хотя и в том и в другом случае следовало бы скорее ожидать перфекта или, в крайнем случае, аориста. То, что в одной и той же ситуации Цец рядопологает формы разных времен, уже свидетельствует о слабости их семантического противопоставления. Есть еще один пример употребления плюсквамперфекта, особенно показательный: Цец упоминает о некоем стихотворном сочинении, которое он сейчас отправил адресату, и употребляет плюсквамперфект [Ibid.: ep. 94, 138.2—4]:

- (2) *βραχεῖς ἐσχεδιάσαμεν* (AOR) *μετροσυνθέτους γραφάς*, ἃσπερ καὶ σοὶ νῦν *ἀπεστάλκεμεν* (PQPF).
 'Мы **набросали** короткое сочинение в стихах, каковое теперь тебе и **отправили**'.

Действие, выраженное формой плюсквамперфекта, не предшествует действию, выраженному аористом, а, наоборот, следует после него!

Таким образом, Цец осведомлен об исконных значениях перфекта и плюсквамперфекта, но в то же время сферы их употребления в его письмах отнюдь не четко разграничены: оба времени могут, наряду с аористом, указывать на завершенное единовременное действие в прошлом. Однако не следует полагать, что формы аориста и перфекта / плюсквамперфекта в средневизантийской литературе совершенно идентичны и взаимозаменяемы, как это можно было наблюдать, к примеру, в папирусах римского времени. Семантическое различие между ними отходит на второй план и особой роли не играет, но вместе с тем, по-видимому, возникает новое различие — стилистическое. Аорист воспринимается как общеупотребительная, нейтральная форма, приближенная к разговорной речи, а синтетический перфект (равно как и плюсквамперфект) — как признак изысканного аттического стиля. Определенную роль здесь, видимо, сыграла редупликация, от которой в разговорном языке отказались в первую очередь. О стилистическом разграничении аориста и перфекта свидетельствуют три тенденции, зафиксированные в текстах средне- и поздневизантийского времени:

1. О первой из этих тенденций говорилось выше. Перфект часто встречается именно в тех текстах, которые ориентированы на аттическую традицию, то есть в текстах, авторы которых выстраивают нарочито усложненные синтаксические конструкции, употребляют редкую лексику, вводят архаичные грамматические формы, как, например, двойственное число; см. также [Hinterberger 2007; 2014]. В ряду этих признаков изящного и чистого аттического слога оказывается и перфект. Именно поэтому византийские аттицисты XI—XII вв. настойчиво вводят усложненные перфектные формы даже там, где они могли бы показаться избыточными. Это хорошо видно на примере уже упомянутых писем Иоанна Цеца. Так, от глагола *καθίσταται* 'становиться' образуется перфект *καθέστηκε*, который в античных текстах иногда приобретает значение 'являться, быть'. В письмах Цеца эта перфектная форма — в виде личных глагольных форм, инфинитивов, причастий — засвидетельствована более 30 раз (для сравнения, в корпусе сочинений Ксенофонта эта форма зафиксирована 5 раз, у Лукиана — 4), в большинстве случаев попросту как альтернатива глаголу 'быть'. Однажды, например, она встречается в конструкции с отглагольным прилагательным: вместо *ποιητέον ἐστὶ* Цец пишет *ποιητέον καθέστηκε* 'следует сделать'. В одном из писем ученого автора можно найти и такую редкую форму, как *perfectum dualis*. Цец заявляет [Leone 1972, ep. 75, 109.18—19]:

- (3) καὶ τεχνύδριον καὶ χειρωναξία οἱ λόγοι μου **καθεστήκατον** (PERF.DUAL) καὶ συγγράμματα.
 ‘Мои слова и сочинения **явились** [для меня] ремеслом и занятием’.

Несомненно, и перфект и двойственное число здесь — не более чем элементы «псевдоаттического» стилистического декора. С точки зрения функциональности и то и другое в этой фразе абсолютно «бесполезно» и даже избыточно: *τεχνύδριον* ‘ремесло’ и *χειρωναξία* ‘труд’, *λόγοι* ‘слова, сочинения’ и *συγγράμματα* ‘писания’ — пары синонимов, дань риторической амплификации; речь не идет о двух различных предметах или понятиях, для которых появление двойственного числа было бы оправдано.

2. Вторая тенденция еще более показательна. Когда какой-либо автор (или редактор) перерабатывает текст с целью его упрощения, он систематически заменяет формы перфекта аористом. Эта тенденция проявляется, например, в метафразе «Царской статуи» Никифора Влеммида. Никифор Влеммид, писатель XIII в., составил для юного императора Феодора II Ласкариса сочинение под названием «Царская статуя» в жанре княжеского зеркала. Этот труд был написан усложненным возвышенным слогом, и потому к нему, как и к некоторым другим произведениям высокой византийской прозы, была составлена «метафраза», переложение на умеренный вариант среднегреческой койне. Издатели этого памятника подробно охарактеризовали методы работы метафрастов над текстом Влеммида и, в частности, выявили такую любопытную закономерность: авторы переложения разными путями избегают от перфектных форм, которыми изобилует оригинал «Царской статуи». Главным образом, перфект заменяется аористом, но также и настоящим временем и имперфектом, *participia perfecti* заменяются прилагательными [Hunger, Ševčenko 1986: 221—227]. Сходные тенденции отмечаются и в метафразах «Алексиады» Анны Комнины и «Истории» Никиты Хониата [Hunger 1981, Hinterberger 2014].

3. Наконец, существует и третья тенденция, симметричная предыдущей. Когда, напротив, проводится намеренная архаизация стиля, аорист регулярно заменяется перфектом и плюсквамперфектом. Эта тенденция наиболее отчетливо представлена в «Сокращенной истории» Иоанна Зонары (XII в.), компилятивной всемирной хронике. Привлекая разнообразные источники — и античные, и византийские — Зонара подвергает их тексты целенаправленной стилистической обработке. Основная цель этой обработки — архаизация стиля. Так, пересказывая источник, Зонара старательно исключает элементы простонародной речи, подбирая для каждого «вульгарного» слова «аттический» аналог; общеупотребительные слова источника заменяет архаизмами, которые встречаются лишь у Гомера и трагических поэтов; усложняет синтаксис, вводя разнообразные придаточные предложения, регулярно заменяет множественное число двойственным⁴. Для этой же цели, очевидно, хронист систематически заменяет аорист перфектом и плюсквамперфектом (как правило, без приращения). Показательно, что подобной правке Зонара подвергает не только стилистически «некорректные» византийские хроники, но и тексты античных авторов: Ксенофонта, Диона Кассия и Плутарха. Можно найти случаи, когда Зонара копирует фразу из «Сравнительных жизнеописаний» почти *ad verbum*, производя лишь одно изменение — вводит формы перфекта или плюсквамперфекта вместо аориста или, реже, других временных форм. Очевидно, хронист делает это не для того, чтобы передать те или иные оттенки значения, а исключительно в целях стилистической архаизации. Приведем ряд показательных примеров:⁵

<p>(4) a. Xen. Cyt., I, 2.9
 παρέχουσι δὲ καὶ τὴν ἡμέραν ἑαυτοὺς τοῖς ἄρχουσι χρηῖσθαι (PRAES)
 ‘они и днем предоставляют себя в распоряжение правителей’</p> | <p>b. Zonar.⁵, I, 226.2—3
 παρείχον δὲ καὶ τὴν ἡμέραν ἑαυτοὺς τοῖς ἄρχουσι κεχρηῖσθαι (PERF)
 ‘они и днем предоставляли себя в распоряжение правителей’</p> |
|--|---|

⁴ О стилистической правке источников в хронике Иоанна Зонары см. [Черноглазов 2004; 2006].

⁵ Zonar. = [Dindorf 1868—1875].

- (5) a. Plut. Alex., III.5
καθ' ἣν ἡμέραν ὁ τῆς Ἐφεσίας Ἀρτέμιδος
ἐνεπρήσθη (AOR) νεῶς
‘в тот день, когда был сожжен храм Арте-
миды Эфесской’
- (6) a. Plut. Alex., XVI.7
ὥσαμένον (AOR) δὲ πολλῶν ἐπ' αὐτὸν
‘когда многие бросились на него’
- (7) a. Plut. Alex., XVI.12
ἣ τε φάλαγξ **διέβαινε** (IMPF) τῶν Μακεδόνων
‘фаланга македонян переправлялась’
- (8) a. Plut. Alex., XVIII.6
ἐπαιρόμενός (PRAES) τε τῷ πλήθει τῆς δυνά-
μεως
‘воодушевляемый численностью войска’
- (9) a. Plut. Alex., XXVII.2—3
εὖπνουν τὸν ἀέρα καὶ καθαρώτερον **παρέ-
σχον** (AOR)
‘сделали воздух приятным и более чистым’
- (10) a. Plut. Alex., XXXIII.9
θήλειαν δ' ὡς φασι νεοτόκον ἵππον **περιβὰς**
(AOR) ἔφυγεν
‘он бежал, как говорят, вскочив на недавно
ожеребившуюся кобылу’
- (11) a. Plut. Alex., LXIII.8
ὧν πληγόντων ἐκατέρων, ὁ μὲν **ἀπέθανε**
(AOR)
‘тогда как оба были поражены, один из них
умер’
- (12) a. Plut. Alex., LXIX.5
ταῦτα μὲν οὖν ἐμπαθῇ σφόδρα τὸν Ἀλέξαν-
δρον **ἐποίησεν** (AOR)
‘эти [слова] весьма взволновали Александра’
- (13) a. Plut. Alex., LXXI.4
τὰς φυλακὰς **παρέδωκε** (AOR) Πέρσαις
‘поручил охрану персам’
- (14) a. Plut. Alex., LXXV.1
οὐδὲν ἦν, <...> ὃ μὴ τέρας **ἐποιεῖτο** (IMPF)
‘не было ничего, <...> что он не считал бы
чудом’
- (15) a. Plut. Rom., VIII.5
ἄνδρα γὰρ ἄλλη τε χρηστὸν καὶ τοῦ Νομίτω-
ρος φίλον ὑπὸ σπουδῆς **ἐπεμψε** (AOR)
‘он спешно отправил мужа и в остальном
достойного, но также и друга Нумитора’
- b. Zonar., I, 285.13—14
καθ' ἣν ἡμέραν ἐν Ἐφέσῳ ὁ ναὸς τῆς
Ἀρτέμιδος **ἐνεπέρηστο** (PQPF)
‘в тот день, когда в Эфесе был сожжен
храм Артемиды’
- b. Zonar., I, 288.18—19
καὶ πολλῶν πρὸς αὐτὸν **ὠρμηκόντων** (PERF)
‘когда многие устремились на него’
- b. Zonar., I, 288.25—26
αἱ Μακεδονικαὶ δυνάμεις **διαβεβήκασιν** (PERF)
‘войско македонян переправилось’
- b. Zonar., I, 289.2
τῷ τε πλήθει τῆς στρατιᾶς **ἐπηρμένους** (PERF)
‘воодушевленный численностью рати’
- b. Zonar., I, 291.13
καὶ τὸν ἀέρα εὐκραῖ **πεποιήκασιν** (PERF)
‘сделали воздух благоприятным’
- b. Zonar., I, 293.28—29
θήλειαν δ' ἵππον **ἀναβεβηκὼς** (PERF) ἔφυγεν
‘он бежал, оседлав кобылу’
- b. Zonar., I, 299.30—31
καὶ ἅμφω ἐτρώθησαν·καὶ ὁ μὲν **τέθνηκε**
(PERF)
‘и оба были ранены, и один из них умер’
- b. Zonar., I, 301.27—28
ταῦτα δ' ἀναγνωσθέντα τὸν Ἀλέξανδρον
περιπαθῇ **πεποιήκασιν** (PERF)
‘эти [слова], когда были прочтены, весьма
взволновали Александра’
- b. Zonar., I, 302.18
τοῖς Πέρσαις τὰς φυλακὰς **παραδέδωκε**
(PERF)
‘поручил охрану персам’
- b. Zonar., I, 303.24—25
οὐδὲν ἦν ὃ μὴ τέρας **πεποιήτο** (PERF / PQPF⁶)
‘не было ничего, что он не считал бы чу-
дом’
- b. Zonar., II, 89.24—25
ἄνδρα πρὸς τὸν Νομίτωρα **πέπομφε** (PERF)
‘он отправил мужа к Нумитору’

⁶ Здесь и в примере (21b) смешанная форма перфекта-плюсquamперфекта с окончанием плюсquam-перфекта, но без приращения.

- (16) a. Plut. Rom., IX.4
Ὄρμησασι (AOR) δὲ πρὸς τὸν συνοικισμὸν
 ‘когда они приступили к заселению’
 b. Zonar., II, 90.7
ὄρμημένοις (PERF) δὲ πρὸς τὴν τῆς πόλεως δόμῃσιν
 ‘когда они приступили к строительству города’
- (17) a. Dio., XLVI, 42.4
 καὶ πρέσβεις ἐπὶ τούτῳ πρὸς τὴν βουλὴν ἐξ αὐτῶν τῶν στρατιωτῶν τετρακοσίους **ἐπέμψε** (AOR)
 ‘кроме того, он отправил в качестве послов к сенату четыреста [человек] из самих воинов’
 b. Zonar., II, 382.3
 πρέσβεις οὖν διὰ τοῦτο πρὸς τὴν βουλὴν ἐξ αὐτῶν τῶν στρατιωτῶν τετρακοσίους **ἐκπέμπομε** (PERF)
 ‘итак, из-за этого он отправил в качестве послов к сенату четыреста [человек] из самих воинов’
- (18) a. Dio., XLVII, 22.3
 καὶ τὸ ὑπὲρκοον ἀπροφασίστως συναιρόμενον **ἔσχε** (AOR)
 ‘и он добился беззаветной преданности подданных’
 b. Zonar., II, 390.13—14
 καὶ ὑπεῖκον ἀπροφασίστως **ἔσχηκε** (PERF) τὸ ὑπὲρκοον
 ‘и он добился беззаветной покорности подданных’
- (19) a. Dio., XLVIII, 44.5
 ἐπίτροπον καὶ τούτῳ καὶ τῷ Τιβερίῳ αὐτὸν τὸν Καίσαρα **κατέλειπεν** (AOR)
 ‘и ему, и Тиберию оставил опекуном самого Цезаря’
 b. Zonar., II, 407.8—9
 τούτῳ τε καὶ τῷ Τιβερίῳ ἐπίτροπον αὐτὸν τὸν Καίσαρα **καταλέλοιπεν** (PERF)
 ‘и ему, и Тиберию оставил опекуном самого Цезаря’
- (20) a. Dio., XLVIII, 54.2
 ἐκείνῳ μὲν ναῦς ἔδωκε καὶ ἑτέρας πέμψειν ὑπέσχετο, ἀνθ’ ὧν ὀπλίτας **ἀντέλαβεν** (AOR)
 ‘дал ему корабли и обещал прислать другие, за что в ответ получил гоплитов’
 b. Zonar., II, 409.12—14
 ἀλλὰ ναῦς δοὺς αὐτῷ καὶ ἑτέρας πέμψειν ἐπαγγελάμενος ὀπλίτας **ἀντεῖληφεν** (PERF)
 ‘но дав ему корабли и пообещав прислать другие, получил в ответ гоплитов’
- (21) a. Dio., XLIX, 5.5
 ἀλλ’ ἀγαπητῶς ἐς τὴν ἡπειρον **ἀπεσώθη** (AOR)
 ‘но насилу выбрался на берег’
 b. Zonar., II, 411.12
 τῶς δ’ οὖν εἰς τὴν ἡπειρον **διασέσωστο** (PERF/PQPF)
 ‘все же выбрался на берег’
- (22) a. Dio., XLIX, 11.1
 καὶ ὁ Καῖσαρ ἐν μεγάλῃ ταραχῇ παραχρῆμα **ἐγένετο** (AOR)
 ‘и Цезарь тотчас же пришел в великое смятение’
 b. Zonar., II, 413.6
 καὶ ὁ Καῖσαρ ἐν μεγάλῃ **γέγονε** (PERF) ταραχῇ
 ‘и Цезарь пришел в великое смятение’
- (23) a. Dio., LIX, 3.6
 ἡ γὰρ τρίτη **προαπέθανε** (AOR)
 ‘ибо третья умерла прежде’
 b. Zonar., III, 13.27
 ἡ γὰρ τρίτη **προεπεθνήκει** (PQPF)
 ‘ибо третья умерла прежде’

Конечно же, вопрос о жизни и эволюции перфекта в византийских литературных текстах заслуживает дальнейшего детального изучения. В нашем предварительном исследовании мы показали, что, по крайней мере, в высокой византийской литературе XI—XII вв. четкой семантической границы между аористом и перфектом не было, но перфект был маркирован стилистически, воспринимался как один из признаков изящного аттического стиля, элемент классического декора.

3. Новогреческий аналитический перфект

Т. Гивон выдвинул в 1985 г. тезис, в соответствии с которым «при прочих равных условиях кодируемый опыт легче хранить, воспроизводить и передавать, если код максимально изоморфен [формально подобен] этому опыту» [Givón 1985: 189].

Кажется, что формы греческого перфекта тяготеют к изоморфизму. Представляется, что обе рассматриваемые формы греческого перфекта отчасти изоморфны грамматическому значению перфекта. Древнегреческий перфект представляет собой синтетическую форму с редупликацией, аналитический — образование из глагола *έχω* и инфинитивной формы, предположительно сочетающей основу аориста с окончанием инфинитива презенса.

Тем не менее описываемый нами материал находится в некотором противоречии с тезисом Гивона. Интересно, что, несмотря на очевидную тенденцию к изоморфизму, как древнегреческий, так и новогреческий перфект отличается крайней нестабильностью.

3.1. Перфект в новогреческих диалектах (диахрония)

Вышедшая недавно статья М. Янссен [Janssen 2013], заново проанализировавшей большой корпус текстов, по-новому расставила акценты в истории формирования и трансформации новогреческого перфекта.

Конструкция «*έχω* ‘иметь’ + инфинитив» в классическом греческом означала возможность или вероятность и употреблялась в модальном значении, но уже со II в. н. э. эта конструкция используется в футуральном значении. Первоначально она может быть отнесена к нижним социальным регистрам, но в период позднего средневековья (XII—XV вв.) и ранненогреческий период (XVI—XVII вв.) шкала ее использования сдвигается уже к среднему и высокому регистрам [Nogrocks 2010: 297, 300].

Традиционно самые ранние примеры использования данной конструкции в перфектном значении относились к «Морейской хронике» (XIV в.) и автору XII в. Михаилу Гликке [Setatos 1993]. Янссен проанализировала большое количество средневековых текстов в рамках проекта по созданию грамматики среднегреческого языка (проект, над которым работает группа исследователей под руководством Д. Холтона в Кембридже) и показала, что примеры, на которые опирались исследователи, утверждавшие, что современная форма аналитического перфекта появилась в греческом языке еще в XIII в., основаны на фантомных явлениях (неверных прочтениях рукописей) и не отражают реальной картины. Янссен утверждает, что первые достоверные примеры использования перфекта засвидетельствованы только в переводе Дон Кихота, датируемом, предположительно, 1720 г. Интересно, что все ранние примеры использования перфекта (конец XVII в.) относятся к ареалу, где и сейчас используется перфект (север Греции, а также Трансильвания, Албания, Македония, Валахия). При этом примеров использования пассивного аналитического перфекта вообще не засвидетельствовано. Речь идет о классическом перфектном значении: действие относится к прошлому, но его последствия ощущаются и в момент говорения.

(24) καί άλλα άσπρα έχει δώσει διά κίρι (1697, Дуррес, Албания) [Janssen 2013]

‘он **потратил** также какие-то деньги на свечи’

(25) δι’ εκείνα τα ρούχα οπου σου έχω **παράγγειλει**, να μου τα στείλεις (1697, Эльбасан, Албания) [Mertzios 1947]

‘пошли мне ту одежду, которую я тебе **заказал**’

Таким образом, конструкция появляется в письменных текстах к концу XVII в. в центральных областях Балканского полуострова, северной материковой части Греции, причем, как справедливо отмечает Янссен, именно в тех регионах, где и сегодня распространен перфект (при том, что в большинстве диалектов греческого он отсутствует). Естественно было бы предположить влияние языковых контактов, но греческий — единственный язык Балканского ареала, который использует в перфекте инфинитивную форму. Предположительно, перфект заполнил морфологическую лауну греческого языка, но, по мнению М. Янссен, это произошло уже после образования греческого государства.

Так, автор одной из ранних грамматик Димитрий Дарварис отмечает: «Греческий язык не использует перфект, но вместо него использует аорист. Некоторые тем не менее

сконструировали (εσύνθεσαν) перфект по образцу французского и итальянского, он используется простолюдинами (ὄχλος) и поэтами — “я написал” (έχω γράψει), “я прочитал” (έχω διαβάσει)» ([Darvaris 1806], цит. по [Janssen 2013]).

Конструкция используется рядом поэтов времен Дарвариса с северо-востока Греции, такими как Виларас, выросший в Яннине, Хатзи-Сехретис, автор Жизнеописания Али-Паши Тепеленского, происходивший из Дельвины (Албания). Показательно, что данная форма отсутствует в языке Константинополя, она не засвидетельствована в фанариотской поэзии (см. поэзию Христопулоса или любовную лирику фанариотов).

Совершенно очевидно, что никакое синхронное описание невозможно без учета плана диахронии. Маргинальный статус новогреческого перфекта, а также тот факт, что в разговорной речи он используется гораздо реже аориста и в художественных текстах также встречается крайне редко, возможно, коррелирует с тем обстоятельством, что новогреческий перфект возник как калька средневропейского (французского) аналитического перфекта. В свете этой гипотезы тезис большинства исследователей греческого языка о том, что экспансия аориста в разговорном греческом и редукция перфекта имели место лишь в течение последних десятилетий, представляется нам сомнительным. Кажется весьма вероятным, что аналитический перфект в течение всего периода своего существования воспринимался как отчасти искусственная форма и употреблялся значительно реже аориста.

Для нашего рассуждения существенно, что аналитический новогреческий перфект отличается от классического презентного или собственно перфекта, представленного аналитической конструкцией с презентной формой вспомогательного глагола ‘иметь’ и причастием смыслового глагола, т. е. посессивной конструкцией [Сичинава 2008: 739]. Важно, что новогреческий перфект изначально не имел значения результата, которое вычитывается из посессивной аналитической конструкции — ‘я имею это сделанным’.

В новогреческом засвидетельствована форма, идеально соответствующая классической перфектной посессивной конструкции, ср. *έχω την επιστολή γραμμένη* ‘я имею письмо написанным’, *έχω το σταθί μου ματωμένο* ‘я имею меч окровавленным’, где *έχω* — форма глагола ‘иметь’ в первом лице и единственном числе, а *γραμμένη, ματωμένο* — пассивное причастие прошедшего времени. Интересно, что эта форма так и не подверглась грамматикализации. Глагол *έχω* ‘имею’ сохранил свою лексическую семантику. Причастие согласуется с дополнением, конструкция допускает интерполяцию наречия, ср. *То έχω καλά γραμμένο* ‘Я написал это хорошо’.

Довольно неожиданно данная конструкция традиционно трактовалась исследователями как исконно греческая (при том, что она совпадает с балканской и романской моделью аналитического перфекта), в то время как «*έχω* + инфинитив» воспринималась как результат романского влияния. Дж. Хоррокс первым высказал гипотезу о том, что эта форма имеет романское происхождение [Horrocks 2010: 228]. Интересно, что вплоть до конца XVIII в. греческие грамматики содержат только перфектную посессивную конструкцию (*έχω* + причастие), при этом «*έχω* + инфинитив» продолжает отсутствовать в этих грамматиках [Μανωλέσσου 2012].

Большинство исследователей, занимавшихся перфектом, высказывали предположение о постепенном ослаблении связи перфекта в новогреческом с понятием текущей релевантности. Все они указывают на то, что в течение последних десятилетий форма перфекта становится все менее и менее употребительна [Ralli et al. 2007; Lelouda-Voss 1997].

При этом семантический потенциал перфекта также сужается: из четырех традиционно выделяемых типов перфекта — результиативного, экспириенциального, имедиатного и перфекта наличной ситуации — новогреческий перфект сохранил только значение экспириенциального и отчасти стативного, инклюзивного перфекта. Определяющей становится характерная для перфекта семантика «экспириенциальности». Значимым представляется невозможность перфекта передавать семантику *hot news*, которая часто воспринимается обычно как своеобразная визитная карточка перфекта.

Так, предложение *Έχεις δει τον Ηρακλή* переводится как ‘Ты когда-нибудь видел Геракла (статую Геракла)?’ или ‘Случалось тебе видеть статую Геракла?’ (экспириенциальный перфект), тогда как то же предложение с аористом *Είδες τον Ηρακλή* переводится как ‘Ты видел

Геракла?» (причем имеется в виду «Ты видел статую, которую мы только что прошли?»). В подобных контекстах значения из рассматриваемой семантической области строго распределены между формами перфекта и аориста.

Однако мы очень часто сталкиваемся с ситуацией, когда в целом ряде контекстов аорист может заменить перфект (но не наоборот). При этом, как будет показано ниже, довольно сложно объяснить причины предпочтительности аориста (и практически невозможно предсказать). Речь идет о прагматической установке говорящего. Представляется, что аорист, очевидно, вытесняет перфект, часто принимая на себя его функции. Таким образом, остроумное предположение Т. В. Цивьян [1973: 99] о наличии корреляции понятий «сложность» / «несущественность различий» (она исследовала это явление на балканском материале) находит подтверждение и в греческом материале.

Действительно, создается впечатление, что во многих случаях, когда мы вынуждены прибегать к принципу текущей релевантности, наша аргументация имеет интерпретационную силу, но не имеет предсказательной. Можно согласиться с Д. В. Сичиновой, утверждающим, что «предельно субъективная, определяемая условиями речевого акта прагматическая “релевантность” выражаемой ситуации» [Сичинова 2008: 744] как основа семантики перфекта как нельзя лучше объясняет особенности употребления перфекта в различных «перфектных» языках, в том числе в испанском и новогреческом.

Представляется, однако, что не следует, как это обычно делается, относить испанский и греческий перфект к одной группе. В новогреческом языке результативное значение перфекта, с одной стороны, абсолютно предсказуемо развилось в экспериенциальное (примеры (26) и (27) цит. по [Holton et al. 1997: 230]):

- (26) а. Έχεις πάει (PERF) στο Λονδίνο;
‘Ты **бывал** в Лондоне? / **Бывал** ли ты когда-либо в Лондоне?’
б. Πήγες (AOR) στο Λονδίνο;
‘**Был** ли ты в Лондоне?’
- (27) а. Ο Ταχτσής έχει γράψει (PERF) μόνο ένα μυθιστόρημα.
‘Тахтсис **написал** только один роман’.
б. Ο Ταχτσής έγραψε (AOR) μόνο ένα μυθιστόρημα.
‘Тахтсис **написал** только один роман’.

Возможно даже предложение, нарушающее главное правило использования перфекта — запрет на указание времени и запрет на использование в нарративе, ср. (28).

- (28) Ο Ταχτσής έχει γράψει (PERF) το Τρίτο Στεφάνι το 1962.
‘Тахтсис **написал** «Третий венец» в 1962 году’.

На русский язык предложения в (27) переводятся одним и тем же образом: ‘Тахтсис написал только один роман’. Однако (27а) для говорящего существенно то, что написанный известным греческим писателем роман продолжает сохранять свое значение и в момент высказывания. Во (27б) это нейтральная констатация факта. Семантика «текущей релевантности» возникает или исчезает в зависимости от сознательной установки говорящего, и перфект, соответственно, теряет свою грамматичность, перестает быть обязательным.

Приведем весьма показательный диалог, свидетелями которого мы стали:

- (29) — Έγραψες (AOR) το γράμμα στον θείο σου;
‘Ты **написал** письмо дяде?’
— Το έχω γράψει (PERF).
‘**Написал**’.
— Ψέματα, μάμα, τώρα τό γράψε! (AOR)
‘Неправда, мама, он сейчас это **написал**!’ (Сестра уточняет ответ брата, подчеркивая, что действие произошло только что.)

Попытаемся проанализировать конкретные употребления временных форм. Первоначально вопрос задается в аористе, что совершенно естественно, поскольку аорист становится наиболее нейтральным выражением прошедшего времени в греческом языке и почти полностью вытесняет перфект. Употребление перфекта становится маркированным. Употребление аналитического перфекта в ответе говорит о том, что письмо действительно было написано некоторое время назад и данное обстоятельство релевантно для характеристики говорящего. Сестра исправляет брата и говорит, что письмо написано только что, и при этом употребляет аорист.

Можно сделать вывод, что аорист приобрел в новогреческом семантику *hot news*, в то время как перфект в некоторых контекстах стал выступать как указатель на давно прошедшие события. Это значение, как представляется, вполне соотносится с экспериенциальным значением.

3.2. Сопоставление новогреческого и испанского перфектов

Интересные результаты дает контрастивное исследование новогреческого и испанского перфекта, произведенное Е. В. Горбовой на материале корпуса параллельных текстов [Горбова 2013]. В основе корпуса лежит текст романа Никоса Казандзакиса «Последнее искушение» (1955) и его перевод на испанский язык. Количественные данные произведенного анализа достаточно эффектны и свидетельствуют, на наш взгляд, об очевидном аористическом дрейфе: в новогреческом оригинале присутствует 12 перфектных форм, в испанском переводе — 468 форм перфекта в индикативе. При этом испанские переводы 12 новогреческих перфектных форм распределены так, как это показано в таблице.

Таблица

**Способы передачи новогреческого перфекта
в испанском переводе романа «Последнее искушение»**

Новогр. \ Исп.	PERF	AOR	RES
PERF	8	3	1

Сопоставительный анализ, представленный Е. В. Горбовой, свидетельствует о неравнозначности роли перфекта в новогреческом и испанском, что противоречит тенденции исследователей включать их в одну группу. Так, В. А. Плунгян пишет: «В глагольной системе полноценный перфект должен быть противопоставлен какому-нибудь нерезультативному прошедшему времени (пунктивному аористу или аспектуально нейтральному претериту). Из европейских языков такой перфект представлен, например, в английском, испанском, греческом, македонском, финском» [Плунгян 2011а: 390]. В свете всего вышесказанного сложно говорить о «полноценности» новогреческого перфекта — кажется, что он возник как своеобразная стилизация, но уже в подражание не древнегреческому (ради поддержания «античного мифа»), а среднеевропейской грамматической модели.

Возвращаясь к контрастивному анализу романа Казандзакиса с текстом перевода на испанский, следует отметить, что поразительно небольшое количество перфектных форм, возможно, связано с отсутствием аналитического перфекта в критском диалекте, носителем которого являлся Казандзакис. Делать окончательные выводы можно лишь на основании сопоставления разнородных и разновременных новогреческих текстов⁷.

⁷ При анализе глагольных систем диалектов современного новогреческого языка становится очевидно, что, за исключением пелопоннесско-ионийского диалекта, на котором основан литературный стандарт, и отчасти северно-греческого, перфект прекратил существование (или вообще не существовал) в большинстве новогреческих диалектов. Последнее можно утверждать лишь

3.3. Использование новогреческого перфекта в постдиглоссном состоянии как параллели к кафаревусным формам аориста

Исследование современного языкового материала новогреческого показало, что в постдиглоссном состоянии ситуации намеренной архаизации языка и возврата к кафаревусе⁸ развивается довольно неожиданный модус использования аналитического перфекта.

Так, для глаголов *στέλνομαι* ‘посылаюсь’, *εγγράφομαι* ‘записываюсь’, *συλλαμβάνομαι* ‘захватываюсь’ практически неупотребительными оказываются предписываемые демотической⁹ нормой формы аориста *στάλθηκα*, *εγγράφθηκα*; скорее в контекстах типа ‘я записался в университет’ или ‘письмо было отослано’ употребляются кафаревусные формы пассивного аориста *εστάλην* ‘[я] был послан’, *εγγράφην* ‘был написан’, *συελήφθην* ‘был захвачен’, формально выведенные из употребления и запрещенные нормой после реформы 1976 г. Интересно, что параллельно с этими кафаревусными и, очевидно, книжными формами возможно использование форм перфекта — *έχω εγγραφθεί* ‘записался’, *έχω σταλεί* ‘послал’. Можно предположить, что перфект, употребляющийся значительно реже, чем аорист, воспринимается носителями как более книжная и престижная форма.

Интересный пример гиперкорректного использования перфекта приводит в своей статье кипрская исследовательница Марилена Кариолему [Karyolemu 1994: 25]. Формально считается, что в Греции и на Кипре функционирует одна и та же литературная норма. В школьном и университетском образовании, в речи образованных людей существует установка на афинскую литературную норму. При этом кипрские социолингвисты традиционно говорят о существовании кипрского койне (речь образованного городского населения, ориентированная на афинскую норму, но при этом с некоторыми девиациями, своеобразными «уступками» кипрским диалектным чертам). В частности, характерной особенностью кипрского городского койне является полное отсутствие форм аналитического перфекта.

По наблюдению Кариолему, носители городского кипрского койне склонны к использованию перфекта в значении нерезультативного прошедшего времени (пунктивного аориста или аспектуально нейтрального претерита). Данное явление можно, по-видимому, интерпретировать как гиперкоррекцию.

Особенно часто, как кажется, перфект используется в речи жительниц Никосии, имеющих университетское образование. Как показывают социолингвистические исследования, женской речи, как правило, свойственна большая ориентация на норму и престиж, чем мужской речи. Избыточное употребление перфекта (вытесняющего аорист в речи жительниц Никосии) является очевидным стилистическим приемом.

4. Заключение

Мы можем постулировать своеобразную «рукотворность» греческого языка, особую важность его эстетической функции на всем протяжении его бытования, что впоследствии отразилось на истории становления новогреческого стандарта.

Выработавшееся уже на ранней стадии развития языкознания восприятие языка как эстетической ценности, представление об эталонных текстах, напряженный интерес к философии языка отразился на всей последующей истории греческого и во многом сказался на сохранности многих кафаревусных форм и поразительной консервативности лексического

с известной долей определенности, поскольку до сих пор отсутствует диалектный атлас Греции, равно как и исчерпывающие описания многих диалектов и говоров.

⁸ Кафаревуса (букв. «очищенная») — форма книжного литературного языка, возникшая в XVIII в. Официальный язык Греции до 1976 г.

⁹ Демотика (букв. «народная») — форма литературного языка, основанная на разговорно-обиходном узусе греческого и используемая с начала XX в.

фонда. Представляется, что и судьба греческого перфекта косвенным образом отражает эту тенденцию к архаизаторству.

В современном греческом мы имеем дело с трансформацией семантики перфекта, когда он начинает означать давно прошедшее время, с одной стороны, и приобретает значение «текущей релевантности» весьма широкого спектра, с другой. В этих условиях можно говорить о постепенном размывании граммы новогреческого перфекта, поскольку на синхронном срезе она, очевидно, не удовлетворяет такому свойству грамматической категории, как обязательность [Плунгян 2011а: 30]. В этом контексте, учитывая приведенные выше данные диахронии, правомерно задаться вопросом, идет ли речь о неокончательной грамматикализации или неполной деграмматикализации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AOR — аорист
DUAL — двойственное число
IMPF — имперфект
PERF — перфект
PQPF — плюсквамперфект
PRAES — настоящее время
RES — (экзистенциальный) результатив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Dio. — Дион Кассий, «Римская история»
Plut. Alex. — Плутарх, «Жизнеописание Александра»
Plut. Rom. — Плутарх, «Жизнеописание Ромула»
Хен. Суг. — Ксенофонт, «Киропедия»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 270—284. [Benveniste E. The correlations of tense in the French verb. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow: Progress, 1974. Pp. 270—284.]
- Герман 2000 — Герман М. Ю. Сложное прошедшее. СПб: Искусство, 2000. [German M. Yu. *Slozhnoe proshedshee* [Passé composé]. St. Petersburg: Iskuststvo, 2000.]
- Горбова 2013 — Горбова Е. В. Испанский перфект: еще перфект или уже перфектив / претерит // Вопросы языкознания. 2013. №4. С. 97—125. [Gorbova E. V. Spanish perfect: Still a perfect, or already a perfective / preterite? *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 4. Pp. 97—125.]
- Елоева 1989 — Елоева Ф. А. Введение в новогреческую филологию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. [Eloeva F. A. *Vvedenie v novogrecheskuyu filologiyu* [An introduction to Modern Greek philology]. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1989.]
- Елоева 2011 — Елоева Ф. А. Diglossie après diglossie. Случай современной Греции // Лингвистика от Востока до Запада. Сб. в честь 70-летия В. Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2011. С. 137—151. [Eloeva F. A. Diglossie après diglossie. The case of Modern Greece. *Lingvistika ot Vostoka do Zapada. Sbornik v chest' 70-letiya V. B. Kasevicha*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., Philology Department, 2011. Pp. 137—151.]
- Кисилиер, Федченко 2011 — Кисилиер М. Л., Федченко В. В. О языке новогреческой литературы // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2011. Т. VII. Ч. 1. С. 409—444. [Kisilier M. L., Fedchenko V. V. About the language of Modern Greek literature. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*. 2011. Vol. VII. Part 1. Pp. 409—444.]
- Косериу 1963 — Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3. С. 143—309. [Coseriu E. Synchrony, diachrony, and history. *Novoe v lingvistike*. 1963. No. 3. Pp. 143—309.]

- Крысин 2007 — Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 5—17. [Krysin L. P. Russian literary norm and the modern speech practice. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2 (14). Pp. 5—17.]
- Плунгян 2011a — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [An introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2011.]
- Плунгян 2011b — Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира. Доклад на конференции Греческого центра СПбГУ «Перфект на Балканах и вне Балкан» 25 апреля 2011 г. СПб, 2011. [Plungian V. A. *K tipologii perfekta v yazykakh mira. Doklad na konferentsii Grecheskogo tsentra SPbGU «Perfekt na Balkanakh i vne Balkan» 25 aprelya 2011 g.* [More on perfect typology in the world's languages. A report at the conference of the Greek Center, St. Petersburg State Univ., «Perfect in the Balkans and outside the Balkans», April 25, 2011]. St. Petersburg, 2011.]
- Сичинава 2008 — Сичинава Д. В. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // Бондарко А. В., Кустова Г. И., Розина Р. И. (ред.). Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711—749. [Sitchinava D. V. The connection between form and semantics of perfect: An unexplored pattern. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst: Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Bondarko A. V., Kustova G. I., Rozina R. I. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 711—749.]
- Цивьян 1973 — Цивьян Т. В. Аппозиция в связи с некоторыми тенденциями развития синтаксических структур новогреческого языка // Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П. (ред.). Балканское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 93—140. [Tsiv'yan T. V. Appositon in relation to some development trends in Modern Greek syntactic structures. *Balkanskoe yazykoznanie*. Bernshtein S. B., Klepikova G. P. (eds). Moscow: Nauka, 1973. Pp. 93—140.]
- Черноглазов 2004 — Черноглазов Д. А. Хроника Иоанна Зонары и ее источники (IX—XI века) // Византийский временник. 2004. Т. 63. С. 137—154. [Chernoglazov D. A. Ioannes Zonara's chronicle and its sources (IX—XI centuries). *Vizantiiskii vremennik*. 2004. Vol. 63. Pp. 137—154.]
- Черноглазов 2006 — Черноглазов Д. А. Римская история устами византийского хрониста XII века (еще раз о методе Зонары-историографа) // Византийский временник. 2006. Т. 65. С. 191—203. [Chernoglazov D. A. Roman history presented by a 12th-century Byzantine chronicler (the method of Zonaras as historiographer revisited). *Vizantiiskii vremennik*. 2006. Vol. 65. Pp. 191—203.]
- Якобсон 1975 — Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Басина Е. Я., Поляков М. Я. (ред.). Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М.: Прогресс. 1975. С. 198—230. [Jakobson R. O. Linguistics and poetics. *Strukturalizm: «za» i «protiv»*: *Sbornik statei*. Basina E. Ya., Polyakov M. Ya. (eds). Moscow: Progress. 1975. Pp. 198—230.]
- Bentein 2012 — Bentein K. Perfect periphrases in Post-Classical and Early Byzantine Greek: An ecological-evolutionary account. *Journal of Greek Linguistics*. 2012. Vol. 12. Pp. 205—275.
- Browning 1983 — Browning R. *Medieval and Modern Greek*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö, Hedin E. Current Relevance and Event Reference. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 385—402.
- Darvaris 1806 — Darvaris D. *Γραμματική Απλοελληνική*. Wien, 1806.
- Dindorf 1868—1875 — Dindorf L. (ed.). *Joannis Zonarae Epitome historiarum*. Vol. 1—6. Lipsiae, 1868—1875.
- Ferguson 1959 — Ferguson Ch. Diglossia. *Word*. 1959. Vol. 15. No. 4. Pp. 325—340.
- Fleischman 1983 — Fleischman S. From pragmatics to grammar: Diachronic reflections on complex pasts and futures in Romance. *Lingua*. 1983. Vol. 60. Pp. 183—214.
- Giannaris 2011 — Giannaris Th. Pluperfect periphrases in Medieval Greek: A perspective on the collaboration between linguistics and philology. *Transactions of the Philological Society*. 2011. Vol. 109. No. 3. Pp. 232—245.
- Givón 1985 — Givón T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax. *Iconicity in syntax*. Heimen J. (ed.). Amsterdam: Benjamins. Pp. 187—219.

- Harris 1982 — Harris M. The «past simple» and «present perfect» in Romance. *Studies in the Romance verb*. Harris M., Vincent N. (eds). London: Croom Helm, 1982. Pp. 42—70.
- Hedin 1987 — Hedin E. *On the use of the perfect and the pluperfect in Modern Greek* (Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia Graeca Stockholmiensia. Vol. VI.) Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1987.
- Hinterberger 2007 — Hinterberger M. Die Sprache der byzantinischen Literatur: Der Gebrauch der synthetischen Plusquamperfektformen. *Byzantinische Sprachkunst*. Hinterberger M., Schiffer E. (Hrsg.). Berlin: Walter de Gruyter, 2007. S. 107—142.
- Hinterberger 2014 — Hinterberger M. The synthetic perfect in Byzantine literature. *The Language of Byzantine Learned Literature*. Hinterberger M. (ed.). Turnhout: Brepols Publishers, 2014. Pp. 176—204.
- Holton et al. 1997 — Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warbuton I. *Greek. A comprehensive Grammar of the Modern Language*. London: Routledge, 1997.
- Horrocks 2010 — Horrocks J. *Greek. A history of the language and its speakers*. 2nd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010.
- Hunger 1981 — Hunger H. *Anonyme Metaphrase zu Anna Komnene, Alexias XI—XIII: Ein Beitrag zur Erschließung der byzantinischen Umgangssprache* (Wiener Byzantinistische Studien, Bd XV.) Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981.
- Hunger, Ševčenko 1986 — Hunger H., Ševčenko I. *Des Nikephoros Blemmydes Βασιλικὸς Ἀνδριάς und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaïotes*. (Wiener Byzantinische Studien, Bd XVIII.) Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986.
- Janssen 2013 — Janssen M. C. Perfectly absent: The emergence of the Modern Greek perfect in Early Modern Greek. *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2013. Vol. 37. No. 2. Pp. 245—260.
- Karyolemou 1994 — Karyolemou M. Linguistic attitudes and metalinguistic discourse: An investigation in the Cypriot press. *Themes in Greek linguistics: Papers of the First International congress on the Greek language*. Philippaki-Warbuton I., Nikolaidis K., Sifianou M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 253—259.
- Lelouda-Voss 1997 — Lelouda-Voss Ch. *Die Perfekterfassung und das neugriechische Perfekt*. (Europäische Hochschulschriften, Reihe XXI Linguistik. Bd 181.) Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997.
- Leone 1972 — Leone P. A. M. (ed.). *Ioannis Tzetzae Epistulae*. Leipzig: Teubner, 1972.
- Lindstedt 2000 — Lindstedt J. The perfect — aspectual, temporal and evidential. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 365—383.
- Μανδηλάρας 1973 — Μανδηλάρας Β. *The verb in the Greek non-literary papyri*. Αθήνα: Hellenic Ministry of Culture and Sciences, 1973.
- Μαυωλέσσου 2012 — Μαυωλέσσου Ι. Μεσαιωνική γραμματική και μεσαιωνικές γραμματικές. *Πρώιμη Νεοελληνική Δημόδης Γραμματεία*. Μαυρομάτης Γ., Αγιώτης Ν. (εκδ.). Ηράκλειο: Βικελαία Δημοτική Βιβλιοθήκη, 2012. Σ. 293—311.
- McCawley 1971 — McCawley J. D. Tense and time reference in English. *Studies in linguistic semantics*. Fillmore Ch., Langendoen T. (eds). New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971. Pp. 96—113.
- Mertzios 1947 — Mertzios D. Κεφάλαιον Ζ': Εμπορική αλληλογραφία εκ Μακεδονίας (1695—1699). *Μνημεία μακεδονικής ιστορίας*. Θεσσαλονίκη: Εταιρείας Μακεδονικών Σπουδών, 1947. Σ. 209—255.
- Moser 1998 — Moser A. *The history of the perfect periphrases in Greek*, Ph.D. diss. University of Cambridge, 1998.
- Ralli et al. 2007 — Ralli A., Melissaropoulou D., Tsolakidis S. Ο παρακείμενος στη νέα ελληνική και στις διαλέκτους: παρατηρήσεις για τη μορφή και την εξέλιξη του. *Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα*. 2007. Τ. 27. Σ. 361—372.
- Setatos 1993 — Setatos M. Ο νεοελληνικός παρακείμενος. *Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής του Αριστοτέλειου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης*. Περίοδος 2. Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας 3. 1993. Σ. 486—501.
- Squartini, Bertinetto 2000 — Squartini M., Bertinetto P. M. The simple and compound past in Romance languages. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 403—440.

Исправление в статье «Греческий перфект как стилистический прием» (ВЯ, 2016, № 1)

В № 1 журнала за 2016 г. в статье Ф. А. Елоевой и Д. А. Черноглазова на с. 9 в строке 23 пропущена ссылка на работу [Горбова 2013: 102—103]. Авторы статьи и редакция приносят читателям и лично Е. В. Горбовой извинения за эту опечатку.
